
ЕЛЕНА
Левашова
По осколкам прошлого...
МОЙ ГЕНЕРАЛ

Елена Левашова

По осколкам прошлого. Мой генерал

https://litres.ru/74713519

Аннотация

– Я ищу мужа… Раньше его звали Павел, но сейчас он… Он теперь Василий Белозеров. Я его жена… Он пропал без вести и…

– Здесь нет такого. И не было… Вы ошиблись.

– Пожалуйста… Я на все готова, товарищ полковник. Помогите мне найти мужа.

– Прямо… на все? Не бросайся словами, красавица. Я ведь могу захотеть больше, чем ты можешь дать, – ухмыляется суровый, как этот долбанный, бескрайний лес, шикарный мужик.

Семь лет я оплакивала пропавшего без вести мужа, а сегодня… увидела его фотки в ленте соцсети…

Павел, оказывается живой и здоровый. У рядом с ним – другая женщина и ребенок… Все это время он трусливо скрывался…

Поиски приводят меня в глухой, таежный поселок, а молчаливый, серьезный начальник военной части – единственный ключ к правде…

Только цена его помощи слишком высока… Или нет?

Содержание

Глава 1. 4
Глава 2. 12
Глава 3. 19
Глава 4. 25
Глава 5. 32
Глава 6. 39
Глава 7. 46
Глава 8. 52
Глава 9. 59
Конец ознакомительного фрагмента. 60

Глава 1.

Нина.

– Нинок, тебе как обычно? – кричит наша буфетчица Валентина.

– Угу. Спасибо, Валь… Думала, никогда не вырвусь. Мама Алисы Хромовой требовала объяснить, почему ее дочь не выучила сольфеджио, а отец Антона…

– Замуж тебе надо, Нина. Тогда и родители, будь они неладны… испарятся. Ну, сколько можно трепать нервы?

– Да как я без вас? – улыбаюсь, подхватывая поднос и водружая его на столик возле окна.

Единственное время, когда я принадлежу сама себе – обеденный перерыв. Отодвигаю тарелку с салатом «Оливье» и открываю ленту соцсетей. Бессмысленно скольжу взглядом по фоткам чужих котиков, пирогов и деток, а мозг медленно перезагружается.

Фух… Ну, слава богу. Полдня уже прошло. Еще каких-то четыре часа и… я окажусь дома. Голова кругом. Я, конечно,

души не чаю в нашем доме Детского творчества, но малышня из студии «Колокольчик» успела потрепать мне нервы…

Мы разучивали песню, а я снова думала, как похож пыльный актовый зал с его потертым бархатным занавесом на меня саму – когда-то яркий, а теперь слегка выцветший, но все еще выполняющий свою функцию. Потом были индивидуальные занятия по фортепиано. Сквозь тонкие стены доносился монотонный голос Ларисы Петровны : «Не слышу! Демидов, тебе медведь на ухо наступил? Раз-и-два-и… Интервал! Какой интервал?!»

Ее голос, как заевшая пластинка, сопровождает меня все десять лет работы здесь.

Жую булочку, запивая ее остывшим чаем, и… Замираю. Этого не может быть… Как такое возможно?

Он.

Павел.

Мой Павел, пропавший без вести семь лет назад. Тот, ради которого я объездила полстраны, замерзая в гарнизонных гостиницах, унижаясь перед чиновниками и уставшими волонтерами. Тот, чье отсутствие я, в конце концов, впустила в себя, как неизлечимую болезнь – она всегда со мной, и жить

с ней можно…

Не счастливо и полноценно, а… В общем, сносно.

А тут – он. Живой. Настоящий. Мой Павел… Пашка… Пашенька.

Глаза против воли выхватывают знакомые детали с жадностью и ужасом. Шрам на левой щеке. Родинка у глаза. И татуировка на предплечье – имя «Нина», которое он сделал, смущенно улыбаясь: «Теперь я твой, как раб на галерах». Моё имя на его руке. На руке, лежащей на плече незнакомой мне, улыбающейся женщины.

Рядом с ними – мальчик.

Мир сужается до размеров телефона. Гул столовой, смех пожилой преподавательницы народных танцев Анны Марковны, доносящийся из-за соседнего стола, – все превращается в отдаленный, не имеющий ко мне отношения шум.

Я чувствую, как холодеют пальцы.

Подпись гласит: «Выходные с Сашенькой и моим Василием. Как же хорошо, когда вся семья вместе! А как вы провели праздники?»

Василий.

Василий, значит? Что за чертовщина? Мой Павел, чье имя я шептала в пустоту все эти годы, для кого-то теперь Василий.

То, что я чувствую – не просто шок…Ощущение, что земля уходит из-под ног, обнажая пропасть, о которой я и не подозревала. Все эти годы я строила свою жизнь на руинах. Смирилась с его потерей. Нашла тихую гавань в стенах, пахнущих старым паркетом и пылью.

А теперь все рухнуло окончательно, показав, что все в моей жизни – ложь… Павел не погиб. Он переобулся на лету, превратившись в чьего-то Василия… Бросил меня вот таким необычным способом. А я… Разве я жила все эти годы?

Весь оставшийся день я тружусь на автомате. На занятии у старшей группы по вокалу я ставлю им «Прелюдию соль минор» Рахманинова. Лариса Петровна, заглянув за нотами, качает головой:

– Опять у тебя, Ниночка, лицо, как на похоронах. Взбодрись! Жизнь продолжается.

Она не знает, насколько ее штампованная фраза сейчас уместна и одновременно кощунственна.

Перед уходом я не выдерживаю и заглядываю в учительскую к Екатерине Кротовой – моей приятельнице и преподавателю по хореографии. Мы дружим с института. Она единственная, кто знал всю подноготную моей истории с Павлом.

– Кать, – говорю я, и голос срывается. – Посмотри. Я не верю глазам. Этого не может быть. Мой Пашка, он… Оказывается, он просто сбежал? Завел любовницу и прикинулся мертвым?

Она берет телефон, ее живое, подвижное лицо мгновенно становится серьезным.

– Нина… Ты уверена?

– Шрам. Родинка. Татуировка. Это он, сомнений нет.

– Василий, блин… Новое имя. Новая жизнь? Все новое? Она смотрит на меня пристально. – И что будешь делать?

– Не знаю. Написать этой женщине?

– Ни в коем случае! – Катя почти кричит Вынимает из тумбочки носовой платок и прикрывает рот. Закашливается, стирая с щек выступившие слезы. – Ищешь семь лет, нашла

– и упустишь снова? Ты должна увидеть его. Сама. Глаза в глаза. Поезжай и выясни всё. А напишешь – он снова свалит куда-то…

Ее слова пробуждают во мне спящую до поры решимость…

Вечером я еду к маме. За мной, рассказывая о проверочной по математике, плетется Юля. Она так похожа на него, особенно когда смеется.Пашка был так рад, когда узнал о моей беременности… До потолка прыгал. Помню, как он выскочил на балкон и напугал прохожего криком: «Я буду отцо-ом! Ура!». Разве так можно играть?

Надо ехать, Катюха права… Но как сказать об этом маме? Если бы Павел-Василий только знал, какая его новоиспеченная женушка дура… Она отметила местоположение под фоткой…

Военная, закрытая часть в непролазных, таежных лесах… Несколько тысяч километров от меня… Не представляю, как туда добраться? Наверное, придется сначала ехать на поезде, потом на автобусе, а потом… А меня разве туда пустят?

В полной задумчивости сбрасываю обувь и помогаю Юляше раздеться.

Мама, как всегда, заваривает чай в уютной, пахнущей пирогами кухне. Я молча протягиваю ей телефон. Смотрю, как ее лицо, испещренное морщинами, становится восковым. Ее рука, держащая чашку, слегка дрожит.

– Мама, что мне делать?

Она смотрит на меня, потом на Юлю… Потом снова на меня. В ее глазах – та самая стальная решимость, что была и у меня когда-то.

– Кошмар просто… Я тоже подтверждаю, что это Пашка. Павел Валентинович Зимин, мой зять.

– Мам, ты же не приеме у следователя. Делать-то что? Катя сказала, писать этой… Людмиле не стоит. Это может напугать этого… Василия, будь он неладен.

– Катя права, – вздыхает мама. – Глянь, они на всех фотках отмечены. Наверное, теперь Паша работает в этой части? И эта… Люда с ним? Надо ехать, Нин. Отпуск тебе дадут? Ты же…

– Вот именно, что сто лет в нем не была. А как же вы с Юляшей?

– А что мы? Будем в школу ходить, уроки учить, гулять. Всего хватает.

Поезжай, дочка. Посмотри ему в глаза. Ты должна знать правду. Ради себя. И ради Юли.

И я понимаю, что они обе правы – мама и Катя. Прошло время смирения… Умерло… И мне нужно узнать правду, какой бы горькой она ни была…

Глава 2.

Нина.

Грузовик резко тормозит возле КПП. Повсюду колючка, бетонные блоки, на входе мельтешит молодой солдат с румяным, немного уставшим лицом.

– Ждите здесь, – бросает водитель и выходит, хлопнув дверцей.

Я вижу, как он разговаривает с дежурным, тот куда-то звонит. Минуты тянутся, как смола. Сердце стучит где-то в горле. Водитель возвращается. Его лицо говорит обо всем, еще до того, как он открывает рот.

– Девушка, тут неувязка. Начальник части не разрешает въезд волонтерам без согласования с округом. Тем более, в части проверка… Не до того. Груз примем, а вы уезжайте. Поезд через три часа, успеете вернуться в город.

Мой хрупкий план прикинуться волонтером рушится с оглушительным треском. Не могу больше терпеть… Устала до чертиков… Трое суток в поезде, пять часов на автобусе по бесконечной, безжалостной тайге с черными, теснящими-

ся к проселочной дороге елями и соснами, пахнущим хвоей, мокрым мхом и дымом воздухом… Таким же дымом пахло от куртки мужа, когда он возвращался с учений семь лет назад. Я зарывалась лицом в грубую ткань и смеялась: «Вас там на костре, что ли, поджаривают, Пашка?». А он целовал макушку: «Это запах денег, Нинка. Скопим и купим свою квартиру».

Он так хотел сделать нас счастливыми. Заработать. А через полгода случился теракт, солдаты его части погибли, а он… Пропал без вести.

– Как это нет?! – ору, вываливаясь из кабины. – Немедленно меня пропустите! Я семь лет искала мужа! Семь лет! Вы понимаете?! Пустите меня! Мне нужно только увидеть его! Василий… Вон он, посмотрите на фотографию, я распечатала. Ну же!

Дежурный солдатик непроницаем, как гранитная глыба.

– Без разрешения полковника Резника я не могу вас пропустить.

– Тогда ведите меня к этому полковнику! Сейчас же! – я почти не контролирую себя. Слезы льются ручьем, но я их не чувствую. В груди нестерпимо печет. – Мне позарез нужно

с ним поговорить! Скажите ему… Скажите, что к Василию Белозерову приехала жена.

– Проверка в части, женщина. Уезжайте, – произносит невысокий, полноватый мужчина, вышедший на подмогу солдатику.

– Хорошо, я подожду, когда ваш Резник закончит работу. Он же выходит отсюда? А Белозеров здесь? Позовите его, пожалуйста.

– Его сегодня нет.

– Точно? Как такое может быть? А… А Людмила, его жена здесь работает?

– Нет такой. Уходите.

– Я подожду вашего начальника.

– Ваше право, – равнодушно отвечает толстяк, закрывая перед моим носом дверь.

Здесь невыносимо шумно… Неподалеку бежит горная река, рычат дизельные двигатели военных УАЗов, по воздуху проносятся отрывистые команды. Слышится шум тяжелых

шагов. Наверное, у солдат строевая подготовка перед проверкой?

Отдаю бережно упакованную Анной Марковной сумку с провизией для солдат – консервы, сгущенка, сухие супы, варенье… Мы всем домом творчества собирали…

Толстяк забирает сумки и, не прощаясь, уносит их прочь.

Над рекой собирается туман, холодает… Я тепло одета, но успела проголодаться и замерзнуть… Все-таки, таежная осень не такая, как в моем городе… У нас и зима теплее, чем здесь. Потираю руки и бреду по тропинке к реке. Под ногами хрустит гравий, ломаются влажные ветки…

Слезы текут по щекам, я их слизываю, морщась от привкуса соли… Никогда еще меня так нагло не прогоняли. Водила, конечно, предложил довезти меня до станции, но какое там? Я никуда не уйду, пока не увижу мужа… Предателя, скрывавшегося от меня семь лет под другим именем… Это же надо – Василий Белозеров. Вы только подумайте? Чем ему Павел не угодил?

Сама не замечаю, как ухожу все дальше от части… Уже темнеет, надо бы вернуться и подкараулить этого Резника, или как там его? Разворачиваюсь, не узнавая тропинки…

– Ау! Есть кто живой? Лю-ди-и!

Топаю вверх, плутаю между густых деревьев с холодными, мокрыми стволами. Господи, только бы не потеряться… Ночевать мне негде. Чем я только думала, отправившись на прогулку по лесу? А эти архаровцы тоже хороши… Отпустили одинокую женщину, даже чаю не предложили…

Тлеющий уголек паники превращается в ослепительный пожар. Я бегу по лесу. Касаюсь деревьев, спотыкаюсь о влажные, склизские бревна…

А потом падаю… Качусь кубарем по склону, морщась от накатившей боли… Камни, ветки, торчащие корни оставляют на моем теле отметины, голова бьется о выступы, в ушах звенит… Перед глазами мелькают разноцветные картинки. Пальцы скользят по мху и грязи, пытаясь хоть за что-то зацепиться…

А потом на меня обрушивается ледяная стена холодной воды… Судорожно раскрываю губы, пытаюсь вдохнуть, но… Не получается… Вода жадно принимает меня, обнимает, как родную, утягивая на дно…

Господи, как же так? За что? Я ведь хотела лишь все узнать, посмотреть мужу в глаза, а на деле… Погибну в диком лесу, и никто не вспомнит обо мне?

Надо жить… Надо бороться. Не хочу я умирать, не буду…

Отталкиваюсь от каменистого дна и плыву к поверхности. Во рут разливается привкус крови… Я еще и ранена, ко всему прочему. Лицо исцарапано, плечо ноет.

Глаза застилает темнота, по телу разливается слабость…

А потом я чувствую на себе чужие руки…

Меня тянут к берегу, легонько бьют по щекам.

– Я убью этих олухов! – слышится зычный, мужской голос. – Кто их надоумил отпускать ее одну в лес? Девушка, вы меня видите?

Вижу… Красивый мужчина, большой… Брюнет с карими, строгими глазами. Интересно, он когда-нибудь улыбается?

– Вы… Вы генерал?

– Было бы неплохо, но… Полковник. Захар Резник, начальник части. А вы…

Не могу больше и слова вымолвить… Мне больно, холодно. Очень страшно… Сглатываю и хватаю воздух ртом, закашливаюсь, отчаянно цепляясь за реальность…

– Она ранена! Носилки сюда, немедленно!

Глава 3.

Захар.

Несу ее на руках, как охапку хвороста. Только хворост не бывает таким обреченно-мягким и беззащитным. В голове назойливо стучат матерные, как пулеметная очередь слова: «Дурак. Дебил. Идиот». Черт бы побрал Михеева! Ну, кто их надоумил так поступить с девчонкой? И знали, ведь, что она осталась… Гулять пошла. Хорошо, что ко мне Петушков заглянул. Так, мол, товарищ полковник, и так… К вам гостья просилась, а ваши дегенераты ее гулять отправили. Ждать, когда вы изволите закончить работу.

Вода, пропитавшая ее куртку, морозит кожу даже через ткань кителя. А в груди – поганый, холодный комок страха. Я всего три месяца здесь, а уже так накосячил… Она ведь может… Ладно, не хочу думать о плохом.

Бабенка приоткрывает глаза. Зеленые, огромные, с длинными, мокрыми ресницами. Она смотрит без особенных эмоций, лишь на миг в них вспыхивает дикий, рыжий огонь. Совсем как ее огненно-рыжие волосы…

– Захар Николаич, кладите больную на носилки, – канючит медбрат санчасти Егор.

– Сам донесу. Вам ничего нельзя доверить. Никому.

Девчонка легкая, как перышко. Да и санчасть недалеко – третий барак к югу от КПП. Интересно, кто сегодня дежурит? Фух… Слава богу, Славка Соловьев – мой давний друг и сослуживец… Я из-за него и согласился сюда ехать…

Мой ангел-хранитель в белом халате выскакивает из кабинета с бритвой в руке и пеной, размазанной по щекам.

– Захар? Ты что это принес? Вернее, кого? Вы там с ума, что ли, посходили? Она же гражданская?

– Упала с обрыва в реку. Михеев – гад, не пустил ко мне. Она волонтер, как я понял. Привезла гумку. И… Она мужа ищет. В общем, Славка, одна на тебя надежда. Даже не знаю, как ее звать? У нее сознание уплывает. Вроде придет в себя, а потом снова…

– Сейчас, погодь секунду. Пену смою и… Если там чего серьезное, придется в город везти или санавиацию вызывать. Поднимется волна и… все такое… Ты только в должность вступил, а еще…

– Не сыпь мне соль на рану, Слав. Сам понимаю, что вина

только на мне. Испугались парни чего-то… Подумали, что она журналистка из области. Приперлась вынюхивать про махинации в части. Ладно…

– Жду в коридоре, товарищ полковник.

Выхожу в коридор. Подхожу к стене, прислоняюсь лбом к штукатурке, холодной и шершавой. Ладони трясутся. Сжимаю. Глупо, не по-уставу. Зачем только полез сюда? После позорного увольнения прежнего начальника в части осталось полно «кротов»…

Соловьев возвращается минут через двадцать. Вытирает руки салфеткой.

– Сотрясение небольшое. Ушибы, переохлаждение. Пронесло, в общем. Спит. Я вколол ей снотворное.

– Спасибо. А что с одеждой делать? Она же насквозь мокрая?

– Переоденем, не бойся. Тоню попрошу, она ее в больничную пижаму нарядит. Все будет хорошо.

– Спасибо. Вещи ее заберу, постираю, в ателье отнесу и…

– Ну ты и вмазался, дружище. Если подаст в суд – тебя на портянки порежут. «Командир части довел женщину до попытки суицида». Генералу эта версия очень понравится. Особенно перед проверкой.

Внутри все обрывается. Он прав. Черт возьми, он прав. Я не кричал на нее, не толкал, но… не пустил. Не услышал. И она чуть не сгинула.

– Не доводил я ее! – звучит слабо, и я это ненавижу. – С чего ты взял, что она…

– Формально – довел. – Соловьев пожимает плечами. – И что будешь делать?

– Дежурю тут. Иди, добрейся. Вид дурацкий, – усмехаюсь я.

Он уходит, качая головой. А я остаюсь. Жду, когда наша молоденькая медсестричка Тоня переоденет потерпевшую и сложит ее вещички в пакет. Сажусь на табурет у койки. Прислушиваюсь к дыханию девчонки… Дышит. Ресницы подрагивают, прядка у виска шевелится… Посижу до полуночи, а потом домой поеду. Там все равно никто не ждет… Тишина, пустой холодильник, пыль везде… Койка и пара шкафов.

А тут… Она. Дышит неровно, губы шепчут что-то беззвучное. Брови сдвинуты, на лице гримаса боли. Рука с перебинтованной ладонью лежит поверх одеяла, маленькая, в синяках.

Подхожу, поправляю одеяло.

Она вздрагивает, и из груди вырывается стон, тихий и горький:

– Паш… Вася… Как же так… Почему ты нас бросил?

Соловьев заглядывает, сует мне кружку с чаем.

– На, согрейся. Снег обещают на днях. Надо дамочку выходить и отправить домой. От греха подальше.

– Проверка через три дня, – говорю я, глотая горечь. – А у меня в части– детектив-мелодрама.

– Угу, – усмехается он. – Главное, чтоб не превратилась в триллер. Смотри, она ведь очнется. И у нее будут вопросы. И единственный ответчик тут – ты.

Он уходит, а я остаюсь. Смотрю, как поднимается и опадает грудь под одеялом. Слушаю ее дыхание, трогаю бледь-

ные, чистые щеки… И понимаю, что все слова Соловьева – правда.

Мне придется ответить… Убедить ее, что все это – дурацкое недоразумение, безответственность, халатность… Моя, в том числе.

И я жду. Жду, когда она откроет глаза. Потому что должен быть первым, кого она увидит…

Глава 4.

Захар.

Где-то хрипит батарея, за окном воет ветер, гоняя по плацу поземку. Ерзаю на неудобной табуретке, который час дежуря возле кровати незнакомки… Просто… не могу уйти.

Спит она беспокойно. Иногда вздрагивает всем телом, а из груди вырывается тихий всхлип, похожий на стон раненого зверька. Прикладываю ладонь к ее лбу. Кожа горячая, но не критично. Черт… Неужели, придется отправлять ее в город? Или куда хуже вызывать санавиацию? Подтянется пресса, меня уволят, обвинят черт те в чем…

Тягостные мысли не отпускают ни на минуту…

Красивая девка… Лет тридцать, наверное. Рыжие волосы разбросаны по белой подушке, как отсветы пожара. Ресницы длинные, темные, мокрые от слез, пухлые, розовые губы… Такие манящие, что… Не хочется отрывать от нее взгляд. И синяки под глазами… Четкие, будто краской нанесены. Устала, девчонка… Очень устала.

Ехала мужа увидеть, а не вот это вот все…

Мне стыдно становится… За себя и свое любопытство. Сижу тут и как дебил пялюсь на чужую жену…

«Паш… Вася… Не уходи… Юля… Мама…»

Опять шепчет разные имена. Павел. Василий. Кто они? И кто она?

В моей части нет ни Павла, ни Василия… Я знаю всех. Перепроверял списки, когда дежурный рассказал, с чем она приехала. Нет таких. Совпадение? Но она-то уверена, что ее пропавший муж именно здесь, в этой глухомани. Да еще и под чужим именем. Как такое, вообще, возможно?

Что привело ее сюда, в эту промороженную тайгу? Какая такая сила, кроме отчаяния?

Откидываюсь на спинку стула, гляжу в потолок.

В голову лезут воспоминания. Самые ненужные сейчас.

Я ведь тоже когда-то счастлив… Была Катя… Хрупкая, смешная, с копной темных кудрей и верой в то, что военная жизнь ее не напугает. Романтика и конфетно-букетный период прошли быстро – с постоянными переездами, казарменным бытом, моими бесконечными учениями и командировками. Но любовь оставалась. Пока не стало ее самой. Ав-

томобильная авария, глупейшая, случайная.

Скорая не успела. Мне было тридцать пять, нашему Сашке – четрынадцать .

Я остался с сыном и с чувством, будто лучшую часть меня вырезали без анестезии. Старался быть отцом и матерью. Получалось плохо. Сашка рос замкнутым, злым на весь мир и особенно на меня – вечно занятого спасением родины. Сейчас ему двадцать. Живет в Питере, учится на программиста. Звонит раз в месяц, сухо спрашивает, как здоровье. Разговор у нас всегда как по протоколу: «Все нормально. Денег хватает. Учеба идет. Ладно, пока».

И все. Пустота.

А я вот… здесь. Прислали исправить то, что натворил предшественник. Найти «кротов», поднять дисциплину, вернуть части звание одного из лучших стратегических подразделений.

А вместо этого я сижу у койки рыжей незнакомки и слушаю, как она зовет другого.

Дверь скрипит. Входит Соловьев, потирая затекшую шею. На нем поверх халата накинута старая армейская куртка.

– Что, герой-любовник, не спится? – бросает он шепотом, подсаживаясь на соседнюю койку. – Дело-то пахнет керосином. Или…порохом.

– Отвали, Слав. Не до шуток.

– Ага, вижу. Как будешь перед Ниной извиняться?

Я вздрагиваю.

– Ты узнал ее имя?

– Из документов. Сумочка ее мокрая, но паспорт в пластиковом файле. Повезло. Нина Зимина. Город ***, педагог дополнительного образования. Ну, то есть учительница музыки, что ли, – произносит он, замолкая и поглядывая на спящую. – Жалко ее. Видок-то у нее… как после бомбежки.

– Она ищет мужа. Павла Зимина. Так мне дежурный сказал. Тот пропал без вести семь лет назад. А нашла она его в соцсетях под именем Василий Белозеров. Фотки с какой-то… Людмилой. Геолокация – наша часть.

Славка тихо присвистывает.

– Жесть. И что, правда похож? Ты сам не смотрел?

– По ее словам – один в один. Шрам, родинка, татуировка. Я не имею привычки лезть в чужие дела.

– А у нас его нет.

– Я знаю.

– Может, он контрактник, который уже уволился? Или…

– Или она… С ума сошла и все выдумала? – перебиваю я. – Нет. Не похожа. И не стала бы она тащиться в такую даль…

Соловьев вздыхает.

– Ну, начальник, поздравляю. Помимо воровства ГСМ и продажи пайков, у тебя теперь еще и детектив с переодеваниями. Генерал обалдеет. Кто этот… Белозеров? Ты бы проверил… Может, он в розыске? Где он?

– Спасибо, что поддерживаешь, ты настоящий друг, – огрызаюсь я. – Завтра, как очнется, буду с ней разговаривать. Официально. Как командир части, а не…

– А неофициально?

Я молчу. Смотрю, как ее пальцы сжимают край одеяла.

– Неофициально… Надо помочь. Просто потому, что должен. Подлечим ее, поселим где-нибудь… На время. Пока она не придет в себя. И отправим восвояси…

– Чувство вины – плохой советчик, Захар, – тихо говорит Слава. – Помнишь, после смерти Кати ты тоже всех пытался спасать? Чуть не под трибунал угодил за того пацана-сроч-

ника.

Помню. Тогда я полез в пекло, потому что мне было все равно. Теперь… Теперь не все равно. И это странно и пугает.

– Она другая, — говорю я, сам не понимая, что имею в виду.

Славка смотрит на меня понимающе, даже с жалостью.

– Понял. Ну, смотри, не спали себя. И ее тоже. У нее, как я понял, жизнь и так порушена. Ты ей не стройбат, чтобы воспитывать.

Он встает, похлопывает меня по плечу.

– Я пойду. Сплю тут, в ординаторской. Кричи, если что. И, Захар… Будь осторожен.

Он уходит. Я остаюсь один в тишине, нарушаемой только ее прерывистым дыханием и воем ветра.

«Будь осторожен». Слишком поздно. Осторожность была там, на КПП, когда я мог ее впустить, выслушать, помочь. А теперь я уже ввязался. Запутался в этой истории с головой.

Я беру ее руку… Ладошка маленькая, пальцы холодные… Растираю, пытаясь согреть. Нина не вырывает. Наоборот, ее

пальцы слабо сжимаются в ответ, цепляясь за мою ладонь, как за якорь. Куда же ты ввязалась, дамочка? И кто такая Юля?

– Все будет хорошо, – шепчу я в тишину, не зная, кому эти слова адресую – ей или себе. – Завтра мы во всем разберемся. Обещаю.

Она, кажется, слышит. Морщинка на лбу разглаживается. Дыхание становится чуть спокойнее.

И я сижу, держа ее руку в своей, и чувствую, как что-то старое и закостеневшее во мне – начинает медленно и болезненно, сдвигаться с места.

Глава 5.

Нина.

Первое, что я чувствую – тупая, раскатистая боль в висках и затылке. Ощущение, будто кто-то вколотил туда раскаленный гвоздь и забыл его вынуть. Все тело нестерпимо ноет. Я лежу, не открывая глаз, пытаясь собрать в кучу обрывки воспоминаний. Ноздри щекочут запахи лекарств, антисептика, старого дерева… и еще чего-то… Мужской одеколон, легкий, с ноткой древесины и полыни.

Память возвращается обрывками. Лес. Река. Ледяная вода, заполняющая легкие. Сильные руки, вытягивающие меня… И голос – сердитый, испуганный.

Глубоко вздохнув, разлепляю глаза и осматриваюсь. Потолок низкий, беленый, с трещинкой посередине. Стол и два табурета возле раскрашенного изморозью окошка. Похоже, я в больничной палате. Одна, или… Поворачиваю голову, морщась от боли, и вижу его.

Он спит, сидя на стуле, прислонившись головой к стене. Высокий брюнет с широченными, мускулистыми плечами. Черты лица резкие – высокие скулы, упрямый подбородок, густые брови. Красивый. Непривычно красивый для

этой глуши… На нем камуфляж, на плечах – полковничьи погоны.

Неужели, Резник? Тот самый, к кому я рвалась.

На его лице глубокая усталость. Складки у рта, темные круги под глазами. Он выглядит… измотанным. И почему-то от этого – менее грозным.

Я делаю неосторожное движение, слегка постанывая.

Он мгновенно просыпается. В его карих глазах мелькает целая буря: облегчение, вина, растерянность.

– Вы… пришли в себя, — говорит он глуховатым от сна голосом и резко встает, задевая коленкой табурет. – Черт… Как вы себя чувствуете? Голова болит? Тошнит?

Он говорит быстро, деловито, но в интонации сквозит неуверенность.

– Голова… да, побаливает, – выдавливаю я. Горло пересохло, голос хрипит. – Где я?

– В санчасти. Вы в безопасности, не беспокойтесь. Меня зовут Захар Резник. Я начальник этой части. Я… я вас вчера

вытащил.

Воспоминания накатывают с новой силой. КПП. Равнодушные лица дежурных солдатиков. А потом и падение…

– Вы… вы меня не пустили, – чеканю я. — Меня выгнали. И я пошла в лес…

Захар хмурится, качает головой…

– Знаю. Это… это вопиющая халатность со стороны моих подчиненных. Недоразумение. Я разберусь с ними, Нина, – в его голосе чувствуется раскаяние. Но мне-то не легче от этого…

– Зачем? – спрашиваю я устало, закрывая глаза. Боль снова накатывает волной. – Чтобы вы мне тоже сказали, что здесь нет ни Василия, ни Павла? Что я все выдумала?

Я чувствую, как он замирает.

– Нина, я ознакомился с вашими документами. Вы действительно не найдете здесь Василия Белозерова. Его нет в списках личного состава. Никогда не было.

От его слов внутри все обрывается. Как же так, Господи… Выходит, мое путешествие… зря?

– А фотографии? Геолокация? – шепчу я. – Я могу показать вам фотки этой… Его новой жены. Я не могла ошибиться.

– Я не знаю. Это нужно выяснять. И я… я помогу вам в этом. Если Василий числится в Министерстве обороны, мы его найдем.

Захар стоит, вытянувшись по стойке «смирно», словно докладывает не мне, а своему генералу. Очевидно, боится последствий? Я ведь и пожаловаться могу…

В этот момент дверь открывается, и входит немолодой мужчина в халате. Он видит, что я не сплю, и лицо его оживляется.

– А, красавица наша очнулась! Здравствуйте, Нина. Я Соловьев, ваш лечащий врач. Ну как вы? В глазах двоится? Тошнит?

– Болит голова, – честно говорю я. – И немного подташнивает.

– Сотрясение, милочка, оно такое. Надо бы голову проверить… Сегодня суббота, рентгенолог в городе.

Чувствую, как меня охватывает паника. Опять поезд, долгая дорога и бесконечно лезущие в голову мысли…

– Я… я не могу… Мне нужно… Мне и ехать-то не на чем.

– Я вас повезу, – твердо произносит Резник. – У меня сегодня выходной. Отвезу вас на рентген, дождемся результатов. Если все в порядке – посажу вас на поезд и… Если нет… – он замолкает, не договаривая.

– Захар, ты уверен? – спрашивает Соловьев, поднимая бровь. – Проверка-то на носу…

– Я уверен, – отрезает Резник. И смотрит на меня. – Если, конечно, Нина не против.

Смотрю на сурового, красивого полковника, понимая, что он – мой единственный шанс. Единственная ниточка к разгадке… Василий Белозеров существует, мой Павел тоже жив! Я должна воспользоваться шансом все узнать… И точка!

– Я не против, – тихо говорю я. – Спасибо.

Соловьев вздыхает.

– Ну, ладно. Герой-спасатель. Сейчас оформлю направление. А вам, Нина, нужно потихоньку встать, попробовать

пройтись, – он бросает многозначительный взгляд на Резника. – И ты, дружище, ей не мешай. Она еще слабая. Как лечащий врач я запрещаю разговоры. Только покой.

Соловьев выходит, оставляя нас одних.

– Мне… нужна моя одежда, – говорю я, вспоминая о мокрой куртке и джинсах.

– Я… я забрал ее. Она вся промокла, в грязи. Отнес вещи в ателье в нашем поселке, ее почистят, подсушат. Сейчас принесу из дома… кое-что, – не сводя с меня глаз, произносит Захар. – У меня есть… футболка, толстовка. Они будут велики, но… это лучше, чем больничный халат. И штаны найдутся.

Представление о том, что я поеду с ним в город в его одежде, настолько нелепо и интимно одновременно, что у меня на мгновение перехватывает дыхание.

– Спасибо, — снова говорю я, потому что больше не знаю, что сказать.

Он кивает и, словно спасаясь от неловкости, направляется к двери.

– Я скоро. И… Нина? – Он оборачивается на пороге. –

Простите меня. За вчерашнее. И за все, что было до.

– Я не стану жаловаться на вас, не волнуйтесь, – закатываю глаза я.

Он уходит. Я остаюсь лежать, глядя в потолок. Голова болит, ссадины ноют.

Откуда он взялся, странный, непонятный полковник? И что за проверки в их части? Может, Василия убили, а они заметают следы? Господи… С моей фантазией впору писать романы…

И что-то подсказывает мне, что на вокзал он меня сегодня не отпустит.

Глава 6.

Нина.

Машина трясется по разбитой дороге, унося нас подальше от части в самое сердце тайги. Повсюду высоченные, заснеженные ели, а воздух… Даже в салоне машины я чувствую, какой он вкусный… Свежий, ледяной, хвойный. До райцентра чуть больше ста километров.

Захар ведет служебный УАЗ, изредка бросая взгляд в зеркало заднего вида. Я сижу, закутавшись в его толстовку. Она темно-серая, просторная, пахнет чистотой и чем-то мужским – не одеколоном, а просто… его запахом. Мылом, свежим воздухом… Под ней – его футболка. Штаны – старые, спортивные, на резинке, огромные. Мне пришлось подвернуть их на двадцать сантиметров, верите? Чувствую себя нелепо и уязвимо, как подросток, нарядившийся в папину одежду.

Видок у меня соответствующий – лохматая, бледная…

Он ничего не спрашивает. Не лезет с расспросами о Павле, нашем прошлом и том, как я сюда добралась. Его молчание – отнюдь не признак равнодушия, оно… тактичное, заботливое. Смотрю в окно на мелькающие стволы сосен, ред-

кие проталины с жесткой бурой травой, присыпанной снегом, и думаю, что этот человек – единственный, кому я могу здесь верить…

Мой телефон, чудом не сломавшийся после падения в воду, оживает. На экране – смайлик и слово «Юляша».

Сердце замирает от стыда и любви. Я совсем забыла позвонить маме…

– Алло? Мамочка? – тонкий, звонкий голосок обжигает душу.

– Юлечка, родная, здравствуй. Прости, я…

– Ты где? Уже его нашла? Папу? – в ее голосе столько надежды, что хочется плакать.

Закрываю глаза, чувствуя, как по щеке скатывается предательская слеза. Отворачиваюсь к окну, чтобы Захар не видел.

– Нет, солнышко. Еще нет. Я… я в больнице, но все в порядке. Просто немного ушиблась. Сейчас еду на рентген.

На другом конце провода – мгновенная тишина, а потом испуганный вздох мамы:

– Ты… ты точно в порядке? А кто с тобой? Дочка, как же так? А мы волнуемся… ты бы хоть позвонила.

– Мамуль, тут и связи почти нет. Тайга, до райцентра сто

километров, а часть засекречена. Я пока здесь побуду. Пока ничего не могу узнать…

– Ну а Пашу-то видела?

– Нет. Говорят, что его здесь нет. Мам, я позвоню, как все выясню.

– Ладно, милая. А кто тебе помогает?

Украдкой кошусь на Захара. Его пальцы слегка постукивают по рулю. Он все слышит.

– Со мной… хороший человек. Командир. Он мне помогает. Как у вас? Как школа?

Юля, захлебываясь, рассказывает про пятерку по русскому и пирог с капустой, что испекла бабушка…

Когда я, наконец, вешаю трубку, пообещав перезвонить вечером, Захар первый нарушает тишину.

– Дочка? – спрашивает он, и его голос звучит мягче, чем прежде.

– Да. Юля. Ей семь лет.

– Красивое имя. И голосок… звонкий, – он делает паузу. – Она ждет его? Отца?

– Она ждет папу. Того, о ком знает из моих рассказов и фотографий. Она не знает, что он… что он, возможно, Ва-

силий, а не Павел, – мой голос срывается.

– Понятно, – тихо произносит он. – Я уверен, что вы найдете нужные слова...

Больше Захар ничего не спрашивает. Но его «понятно» звучит так, будто он действительно что-то понял…

Больница в райцентре – небольшое, покосившееся здание из желтого кирпича. Захар открывает мне дверцу, помогает выйти. Когда я оказываюсь рядом с ним, меня охватывает… Нет, не страх, скорее робость… Он высоченный, широкоплечий… Но отнюдь не неуклюжий… Он не слон в посудной лавке, а грациозный тигр. Пока я борюсь со стыдом и страхом неизвестности, Захар уверенно шагает к входу в здание…Семеню за ним следом, чувствуя, как на него оглядываются. Медсестры у входа, женщины в коридоре. Взгляды заинтересованные, оценивающие. Какие-то липкие…

«Полковник Резник», – шепчут за спиной. Он, кажется, не замечает. А я все-все слышу…

И внутри закипает что-то колючее и нелепое. Обида? Ревность? Да с какой стати? Он мне никто. Просто выполняет долг. Но каждый такой взгляд, брошенная ему улыбка ранит сильнее, чем все вчерашние синяки.

Он говорит с рентгенологом, передает ему привет от Соловьева, просит внимательно меня обследовать.

– Зимина, проходите, – зовет меня медсестричка.
– Я буду за дверью. Если что, кричи, – улыбается Резник.

Ждем результатов в узком, пропахшем лекарствами кабинете. Врач, пожилой мужчина с густыми, седыми бровями, изучает снимки.
– Сотрясение есть, – говорит он. – Ушиб мягких тканей, отек. Но трещин, слава богу, нет. Кости целы.

Я выдыхаю.

– Значит, я могу ехать домой?

Врач смотрит на меня, потом на Захара.

– Нет… Я бы порекомендовал несколько дней покоя, наблюдения. Сотрясение – штука коварная. Мало ли что случится в поезде… – Он переводит взгляд на Захара, словно ищет поддержки. — У вас есть где остаться? Захар Николаич, выделите девушке местечко в санчасти?

Я открываю рот, чтобы сказать «нет, нет, я поеду», но Захар опережает.

– Она может остаться в санчасти. У нас хороший врач. А я… Я буду следить за состоянием Нины.

– Прекрасно. Тогда дней пять – и домой, с чистой совестью. Выпишу рекомендации.

Мы выходим из больницы. Вечерний воздух обласкивает щеки, забирается под воротник… Как же здесь красиво… В небе искрит северное сияние, мерцают звезды…

– Я не хочу вас обременять, – говорю я, глядя себе под ноги. – Вы и так… Если Павла нет в вашей части, я поеду искать его в другие… Или напишу той женщине.

– Нина, – поворачивается ко мне Захар. – Вы упали с обрыва по моей вине. Я обязан обеспечить вам должный уход до полного выздоровления. Это не обременение, а моя ответственность.

Сил спорить у меня нет… Да и не собиралась я уезжать так скоро. Не зря та женщина поставила метку на фотку… Они точно где-то рядом, я уверена…

– Хорошо, – сдаюсь я. – Но только на пару дней. И я должна звонить дочери каждый день. Вы можете помочь мне со

связью?

– Это можно устроить. Давайте поедем. В санчасти, думаю, вас уже ждет ужин.

Мы идем к машине. На него снова пялятся выходящие из поликлиники женщины, но… Захар склоняется ко мне, а его плечо заслоняет меня от посторонних глаз…

– Голова не кружится? Идите медленнее. Мы не торопимся.

– А как же ужин в больнице? – улыбаюсь я.

– Хотите… я приглашу вас на ужин в кафе? Оно необычное. Вы точно не были в таких, – со знанием дела произносит он.

– И что в нем необычного?

– Таежный вайб, лес, река рядом… Особая атмосфера. И вкуснейшие напитки. Клюквенный морс с хвоей, глинтвейн с клюквой. Вам понравится…

– Хорошо. А меня пустят в таком наряде?

– Здесь все ходят… вот так, по-простому,– закатывает глаза он. – Обстановка располагает.

Глава 7.

Нина.

Он везет меня не в центр городка, а на окраину, к двухэтажному бревенчатому дому с вывеской «Лесная сказка». Это так мило, что я улыбаюсь…

Внутри пахнет дымом, хвоей, томленым мясом и чем-то пряным. Неяркий свет, сколоченные из толстых досок столы, на стенах — шкуры и старые карты.

На нас сразу обращают внимание. Помните кафе «Сладкий утенок» из мультика «Рапунцель»? Так вот, здесь похожее заведение… Местные, суровые на вид мужчины в рабочих спецовках, женщины в теплых комбезах или темных, бесформенных куртках…

И все смотрят на него – большого, сильного мужика в военной форме. А потом и на меня, куда уж без этого… Чувствую, как горю от стыда. Я выгляжу как… Даже не знаю, как это смотрится со стороны? Кто я? Одетая в одежду с чужого плеча, лохматая, бледная, да еще и с мелкими синяками на лице… Пленница? Разбойница или бродяжка?

Захар мгновенно считывает мой дискомфорт. Его рука уверенно касается моей спины, направляя к дальнему столи-

ку в углу.

– Нина, все в порядке. Тебя никто не обидит. Располагайся и не обращай внимание ни на кого.

– Это точно безопасно? – спрашиваю я тихонько.

– Я похож на того, кого можно обидеть? – поднимает он бровь.

– Вовсе нет.

– Ну вот…

Он заказывает уху из кеты, томленную в горшочках оленину с брусникой и грибами, горячие лепешки. И морс из морошки.

– Здесь готовят как дома. Тебе нужно восстановить силы.

– Боюсь, я столько не съем.

– Я помогу, если не справишься, – улыбается он.

Полная, рыжеватая женщина подает нам дымящуюся еду…

Я ем медленно и, кажется, что с каждым кусочком том-

леного мяса и ложкой наваристой ухи, в меня возвращается простая, земная радость… Спокойствие, уверенность в завтрашнем дне… А, может, все дело в Захаре? Почему с ним мне так спокойно?

– Ты часто сюда приезжаешь? — спрашиваю я, нарушая тишину.

– Иногда. Когда нужно сменить обстановку и подумать в одиночестве, – он откладывает ложку и смотрит на меня. Его взгляд в полумраке кафе кажется особенно глубоким. — Или когда нужно поговорить не по уставу.

– А сейчас какой разговор? — рискну спросить я.

– Сейчас… Сейчас я пытаюсь понять, как можно предать девушку с такими глазами… А если серьезно, как ты вынесла семь лет неизвестности?

– Я не вынесла, – тихо признаюсь я, глядя на струящийся от ухи пар. – Я сломалась. Просто научилась существовать в сломанном состоянии. Знаешь, с чем я себя сравниваю? Выцветший занавес в моем Доме творчества. Пыльный, страшный, с дырками, но все еще держится на крючках.

Он молча кивает. Потягивает чай с травами, не сводя с ме-

ня взгляда… А я ловлю на себе взгляд женщины за стойкой – любопытный, оценивающий. И снова меня неволит колючее, нелепое чувство в груди. Отворачиваюсь, а мой взгляд падает на его руку, лежащую на столе рядом с кружкой. Широкую, с четкими сухожилиями, с едва заметным шрамом на костяшках пальцев. И мне вдруг дико хочется, чтобы его рука сейчас накрыла мою. Просто так. Хочу, чтобы все они поняли, что я не случайная попутчица…

А какая я? И кто я ему, чтобы думать о таком?

– Спасибо. Это было… очень вкусно. Поедем, пока не стемнело?

Захар платит, коротко кивая тетке за стойкой. Он распахивает передо мной дверь, а я плотнее кутаюсь в свои одежки, ежась от попадающих под воротник снежинок…

Военная часть уже не кажется мне неуютной и суровой крепостью, хранящей тайны Павла-Василия. Теперь это место, где живет и работает другой человек. Хмурый, молчаливый, строгий… И тот, рядом с кем я чувствую себя защищенной…

Захар подъезжает прямо к санчасти. У входа нас уже ждет Соловьев.

– Ну как, все в порядке?

– Принимай пациентку, – произносит Захар. – Переломов нет, гематомы тоже. Нина, покажи заключение. Она пробудет несколько дней у тебя, хорошо?

– Конечно, конечно… У меня как раз инфекционный бокс свободен, там условия не хуже, чем в гостинице. Не голодные?

– Нет, спасибо. Мы перекусили в городе.

– Надо же… Какой у нас заботливый начальник, – подшучивает Соловьев. – И чего его солдаты боятся, как огня?

– Отвали, Слав. Я за нее отвечаю. И… иди уже в библиотеку, – подшучивает он в ответ.

– Кстати, да, – оживляюсь я. – Я бы что-нибудь почитала. У вас есть детективы? А лучше… Остросюжетные любовные романы.

– В тайге? У нас, кроме мужиков и медведей никого нет. Ну вы даете, милочка.

– Славка, иди и поищи. Найди что-нибудь Нине… на выбор. Нина, – зовет он меня.

– Да.

– Я вернусь в часть и попробую запросить сведения о Бе-

лозерове. Надеюсь, утром у меня будет хоть какая-то инфа.

– А если ничего не будет? Если... я ошиблась.

– Скинь мне ссылку на страничку его новой жены. Может, ты ошиблась с геолокацией?

– Кстати, да, – поддакивает Слава.

– Вот, – показываю страничку этой Людмилы.

– Да нет, все верно. Точка... наша часть. В любом случае я завтра все узнаю. Отдыхай.

– Спасибо тебе. И… спокойной ночи.

Глава 8.

Нина.

Дни в санчасти текут медленно, как суровая, таежная река… Я потихоньку выздоравливаю. Голова уже не болит так неистово, синяки желтеют и сходят. Я много сплю, читаю потрепанного «Идиота» Достоевского, найденного на тумбочке – видимо, чье-то забытое наследство. Глотаю пилюли, что приносит Тоня, ем солдатскую еду…

Эдакий санаторий в лесной глуши… Именно так можно назвать мой отпуск.

Но, главное лекарство – тишина и прогулки.

Я гуляю по расчищенным дорожкам возле части, не выходя за пределы КПП. Холодный и колючий воздух обжигает легкие и прочищает мозги. Шастаю по тропинкам, украдкой наблюдая за учениями… Смотрю на солдатиков, спешно отворачивающихся при виде меня, и жду, когда в поле зрения появится его высокая, прямая фигура в камуфляжной телогрейке. Захар навещает меня каждый день. Приносит яблоки, конфеты и новые книги. Или просто заходит спросить, как я.

И его тихая, сдержанная забота проникает все глубже под кожу, согревая заледеневшее внутри сердце… Я же ничего не чувствовала… Жила, как по накатанному, работала, ни с кем не встречалась…

Мне и не нравился никто, а он…

Он нравится.

Просто однажды, глядя, как он склоняется проверить, не дует ли из окна моей палаты, я поймала себя на мысли, что хочу видеть его каждый день. Заботу, нахмуренные брови, сильные руки, сомкнутые в твердую линию губы… Темные глаза с лучиками морщинок…

И тотчас накатывает волна горькой, отрезвляющей иронии. Откуда он взялся в моей жизни – далекий, одинокий полковник? Между нами – две с лишним тысячи километров и пропасть моего прошлого и его, судя по всему, не менее тяжелой жизни.

Он – временное пристанище. Я – его временная, неудобная ответственность. Вот закончится мой отпуск, и я уеду… Не нашла я Пашу, не нашла… Искала, в такую даль поехала и… ничего…

Но однажды вечером он приходит не один. В руках у него – пара простых, серых валенок и толстая, пуховая куртка, явно новая.

– Нин, твоя куртка слишком тонкая… Ты молчишь, а я вижу, как ты ежишься.

– Как это ты видишь? Когда? – тараторю я, пряча от волнения взор.

– Из окна. А что нельзя? – улыбается он.

– И хватает у тебя времени наблюдать за всякими… отдыхающими… А если серьезно, я тут как в санатории… И кормят, и поят, и развлекают. Будет что рассказать коллегам, когда вернусь.

Его взгляд темнеет, суровеет… Будто я что-то неприятное говорю…

– Здесь холоднее, чем кажется. Одевайся. Я хочу тебе кое-что показать.

– Это не опасно?

– Шутишь? Со мной и опасно? Одевайтесь, гражданка Зимина.

Улыбнувшись, обуваю валенки, натягиваю куртку. Они теплые, безразмерные, безумно уютные… Мы выходим. Снег хрустит под ногами, как капуста…

Захар ведет меня за пределы санчасти, подальше от бараков, к открытому, усыпанному блестящим, плотным снегом, полю…

За ним начинается настоящая, нетронутая тайга.

Небо черное-черное, усыпанное таким количеством звезд, что дух захватывает. И тут…

В небе вспыхивает бледное, размытое свечение… Потом оно оживает. Начинает струиться, колыхаться, как гигантский занавес из изумрудного и сиреневого шифона. Оно переливается, мерцает, то разгораясь яркими всполохами, то затихая до шепота.

Это самое невероятное, прекрасное и самое печальное зрелище в моей жизни. Слезы градом текут по моим щекам… Я… Я ничего прекраснее не видела, а Захар… Он разделяет мои чувства. И он рядом…

– Северное сияние, – тихо произносит Захар, аккуратно сжимая мою ладонь. – Оно здесь часто бывает. Но каждый раз… как в первый раз.

Я не могу вымолвить ни слова. Просто смотрю. Слезы бегут по щекам, а в душу закрадывается тоска… Все это не мое, не для меня…

Все скоро закончится.

– Нина, – склоняется он к моему лицу. – Когда ты уедешь… Я…

Но он не успевает договорить. Резкий, трескучий сигнал разрывает магическую тишину. Он вздрагивает, и его лицо вмиг становится другим – жестким, сосредоточенным. Он срывает с пояса рацию.

– Слушаю.

Из динамика доносится взволнованный голос дежурного:

– Товарищ полковник, к КПП подъехала машина из округа. Прибыл офицер для инспекции перед проверкой.

Мир замирает. Звезды, сияние, тепло валенок – все это разбивается вдребезги при упоминании некого офицера. Это точно он… Ну, а кто еще?

Чувствую, как земля уходит из-под ног. Захар хватает меня за локоть, не давая упасть. Его пальцы впиваются в мою руку сквозь толстый рукав куртки.

– Нина, дыши. Смотри на меня. Дыши…

– Захар, ты все время меня спасаешь… Это становится привычкой, – лепечу я.

– Не наломай дров, ладно? Успокойся. Это может быть и не он.

– Я чувствую, что он… Я…

Вырываюсь и, не помня себя, бегу по хрустящему снегу обратно, к части.

Захар догоняет меня легко, бежит рядом, но не останавливает. Позволяет сбросить накопившийся адреналин.

Мы выскакиваем на плац перед КПП. Я сгибаюсь пополам, стремясь отдышаться… Легкие горят, слезы мгновенно замерзают, щиплют кожу…

Рядом с будкой КПП стоит служебный уазик. Неподалеку маячат темные фигуры… Дежурный солдат, какой-то полный майор… и они.

Подходим ближе, я впиваюсь взглядом в мужчину в офицерской форме и… обмираю…

Капитан высокий, широкоплечий. На его левой щеке шрам. Родинка у глаза. И на его руке, которой он поправля-

ет воротник шинели, при свете фонаря на миг видна темная линия татуировки. Мое имя.

Рядом с ним, кутаясь в дорогую дубленку, стоит женщина. Не та, что на фотке в соцсетях. Другая. Но тоже улыбающаяся, уверенная в себе.

Он оборачивается на шум наших шагов. Его взгляд скользит по нам с Захаром… Он смотрит, как на незнакомых, чужих людей… Господи… Не узнает? Или делает вид?

– Павел? – выдыхаю я, и мой хриплый шепот уносится ледяным ветром.

Он делает шаг назад, к машине и своей новой бабенке. Его рот открывается, но звука нет.

– Что здесь происходит? Вася, кто это? – верещит женщина.

А Захар уже огибает мою застывшую, как соляной столб фигуру… Его широченная спина передо мной, как стена.

И его холодный и неумолимый голос не дает и шанса ослушаться:

– Капитан Белозеров? Добро пожаловать в часть. Сейчас будем разбираться. Пройдемте в мой кабинет.

Глава 9.

Нина.

Какой к черту кабинет? Он долго будет делать вид, что меня нет?

Бросаюсь к нему на шею… Обнимаю, трогаю лицо, щетинистые щеки… Он изменился… Разве что взгляд остался прежним. Что могло случиться? Господи… Боже мой… Я миллион раз представляла нашу встречу и…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.